

Панкова Е.С.

РЕПРЕССИВНАЯ ИНТЕРНАЛИЗАЦИЯ: КАК СТАНОВЯТСЯ СУБЪЕКТАМИ?

Аннотация. Статья посвящена исследованию практики формирования субъекта в эпоху постмодерна. Для обозначения специфической особенности данной практики введен и описан термин «интернализация», который в работе противопоставлен феномену интериоризации. Понимание механизма формирования субъектности человека как процесса репрессивного и бессознательного привело к формулированию двух качественных характеристик этой субъектности. Во-первых, к идее субъекта как онтологической нехватки и пустоты, а, во-вторых, к идее лингвистического самоосуществления субъекта. Кроме того, в работе приведены некоторые примеры интернализационных практик, а также обозначены перспективы дальнейшего исследования и использования результатов подобных работ.

Ключевые слова: субъект, субъектность, интернализация, интериоризация, бессознательное, постмодерн.

Abstract. The paper focuses on the research of the subject formation practice in the postmodern. The term «internalization» which is contrasted with the phenomenon of interiorization in the research, is introduced and described to indicate the specific features of this practice. The understanding of the mechanism of human agency formation as a repressive and unconscious process led to the formulation of two qualitative characteristics of this agency. At first, it led to the idea of the subject as an ontological shortage and emptiness. Secondly, it led to the idea of the subject linguistic self-realization. Besides, some examples of the internalization practices are given in the paper and the prospects for further research and the applying of the results the similar studies are also denoted.

Keywords: subject, agency, internalization, interiorization, unconscious, postmodern.

Субъект – это одна из центральных категорий философского дискурса. Она имеет достаточно широкий спектр применения. Субъектом может быть как индивид, так и группа индивидов или определенный институт. В ответе на поставленный в заглавии работы вопрос нас будет интересовать именно человек как субъект. Причем субъектность, как атрибутивная характеристика человека, понимается нами достаточно широко, как любой источник предметно-практической деятельности, познания, активности, направленный на объект, любая активность, будь то когнитивная, коммуникативная или социальная.

Субъект, который мы имеем здесь в виду – это не устойчивый признак и априорное качество человека, но, скорее, некоторая содержательная функция социальных институтов и структур в нас. О взаимоотношении властных структур и субъекта писал М. Фуко, когда говорил о зарождении современного субъекта. Однако М. Фуко связывал механизм формирования современного субъекта с интериоризацией целой совокупности дискурсов [9, с. 149]. Не

отрицая роль дискурсов в становлении и реализации постмодерных практик, на наш взгляд, для того, чтобы объяснить механизм формирования постмодерной субъектности, нужно использовать другое понятие, которое отсылает к несколько иным психическим и социальным механизмам. Речь идет об интернализации, которую мы отличаем от привычной всем интериоризации.

В современных социогуманитарных науках под интериоризацией понимается процесс усвоения внешнего воздействия посредством его перенесения во внутренние структуры мышления. Впервые лингвистическое разделение понятий «интериоризация» и «интернализация» можно обнаружить в английском языке у американского психолога Г. Фюрта. Анализируя теорию знания Ж. Пиаже, Г. Фюрт склоняется к идее, что в его операциональной теории развития интеллекта можно выделить два вида, два способа интериоризации. Первый вид, который, собственно, и может быть назван интериоризацией, является следствием координации общей социальной формы знаний и конкретного содержательного внешнего воздействия, которые формируют в субъекте определенное понимание реальности. Второй вид интериоризации, связанный с процессом скрытого и схематичного перемещения внешнего воздействия во внутреннее содержание различных психических процессов, должен быть обозначен уже как интернализация: «интернализация, в этой связи, означает, что нечто, что было внешним и наблюдаемым постепенно ушло вовнутрь и приобрело скрытую форму» [10, с. 147]. Таким образом, в то время как можно говорить об интернализации номера телефона в процессе запоминания, понимание самой структуры и значения чисел в этом телефонном номере является следствием процессов интериоризации, т.е. инкрустирования внешних по отношению к субъекту знаний во внутренний опыт сознания.

В отечественной традиции в последнее десятилетие также появилась некоторая тенденция в различении этих терминов. Что касается интериоризации, и здесь, необходимо отметить, социологи и педагоги работают сообща, то она понимается ими как неотъемлемая часть общего процесса социализации человека. Интериоризация, в данном случае, – это приобретения некоторых знаний о реальности, обществе, о его ценностях, установках. Интернализация же понимается несколько уже. Как пишут Е. Попова и Т. Пушкарева в своей статье «Интериоризация в контексте проблемы социальной детерминации» специфическими значениями интернализации являются два момента. Во-первых,

благодаря этому процессу появляется некоторая новая (или трансформируется старая) структура или подструктура личности, а, во-вторых, необходимым следствием этого процесса является не просто познание некоторых социальных ценностей, норм, но их усвоение, принятие: «некоторую социальную норму можно знать, но не следовать ей; можно знать, но не соглашаться с ней, при этом выполняя ее «внешним» образом, наконец, можно принять ее, сделать своей «внутренней» нормой» [8]. Интернализация предполагает полное принятие внешнего, причем скорее человек сначала примет эту норму, сделает её своей, и только потом осознает. Б. Бархаев в своем учебнике по педагогической психологии, анализируя теорию воспитательного процесса Б. Битинаса, добавляет к этому различию и третий момент: «принципиальная новизна интернализации состоит в том, что в этом случае внешние социальные факторы воспитания не только преобразовываются во внутренние, но и выступают побудителями общественно значимой деятельности воспитанника» [1, с. 215]. Здесь, очевидным образом, подчеркивается актуализация волевых и субъектных качеств человека при интернализации.

Все это позволяет сделать вывод о том, что интериоризация непосредственно связана с когнитивным процессом мышления, с моментом осознанного восприятия внешнего опыта, тогда как интернализация происходит бессознательно, не требуя для внешнего опыта внутреннего понимания и осознания. Интериоризация возможна только тогда, когда уже есть субъект. Но в вопросе возникновения субъектности мы всегда имеем дело с парадоксом референции: субъект не существует до факта его субъекции. Введение в работу термина «интернализация» – это попытка показать на уровне дискурса властный, репрессивный механизм субъектности. Интернализация, таким образом, понимается как процесс безусловного принятия и усвоения внешних структур, побуждающих человека к определенной активности. Интернализации имеет символическую природу и реализуется за счет диспозитива и дискурсов, актуализируя в определенной социальной ситуации ту или иную – политическую, правовую, моральную и т.д. субъектность человека.

Такое понимание механизма формирования субъектности человека неизбежно приводит нас к формулированию двух положений, двух качественных характеристик этой субъектности.

Первая характеристика заключается в том, что с онтологической точки

зрения субъект должен быть определен как нехватка и пустота. Как пишет С. Жижек, «субъект представляет собой некое внутреннее богатство значений, всегда превосходящее их символическую артикуляцию. Эта избыточная сигнификация маскирует фундаментальную нехватку» [3, с. 177]. Субъект – это симптом нехватки. Человек, реализуя субъектность, находится в вечном поиске означающего, которое бы приблизило его к онтологической полноте бытия, к реальному [5, с. 143]. Таким образом, формируется потребность в идентификации, в поиске этой полноты. Можно выделить две идентификации субъекта: символическую и воображаемую.

Символическая идентификация субъекта – это интернализованная система социокультурных отношений, которая маркируется человеком как некая априорная сущность. Воображаемая идентификация вторична, осуществляется самим субъектом на основе символической идентификации и выражает скрытые формы желаний субъекта. Можно выделить несколько типов воображаемой идентификации: воспроизводство Символического и фрустрация Символического. Воспроизводство Символического – это самый распространенный тип идентификации, в которой человек воспроизводит, в конечном итоге, модели, приемлемые для общества. Фрустрация Символического, т.е. своеобразный отказ от принятия социальных норм, может проявляться в двух формах: в форме неполного отказа, т.е. воспроизведения аномальных форм Символического и в форме полного отказа от принятия Символического.

Примером данной социальной практики идентификации могут служить такие субъектные характеристики человека как пол и гендер. Символической идентификацией является пол. Пол – это определенный социальный продукт, результат культурной и социальной десигнации, т.е. тотального, бинарного и безальтернативного связывания категорий «мужчина» и «женщина», а также соответствующих форм поведения, с теми или иными проявлениями полового диморфизма. Воображаемой идентификацией является гендер. Гендер – это результат символизации символического, т.е. реализация символических моделей воспроизводства социальных отношений в человеке, обладающим полом. На сегодняшний день теоретически могут быть определены две символические модели воспроизводства субъекта гендерных отношений. Первая из них – модель асимметричности маскулинного и фемининного.

Исходя из данной символической модели, можно говорить о существовании двух воображаемых идентичностей: фемининной и маскулинной. Вторая модель может быть обозначена как гендерная симметрия, выраженная в андрогинности как в способе идентификации.

Второй качественной характеристикой субъектности является тот факт, что с гносеологической точки зрения субъект – это лингвистическая возможность самоосуществления. В обыденном языке понятие «субъект» очень часто используется как синоним личности, индивида, человека. Однако есть острая необходимость различения понятий индивида (как отдельного представителя человека) и субъекта. Как пишет Дж. Батлер: «Генеалогия субъекта как критической категории показывает, что субъект, вместо того чтобы прямо отождествляться с индивидом, должен обозначаться как лингвистическая категория, как место для переменной, как структура в непрерывном формировании «Я»» [2, с. 23]. Субъект является лишь потенциальной возможностью для индивида актуализировать самого себя, и эта актуализация происходит лишь тогда, когда субъект осмыслен и определен в языке. Лингвистические координаты субъекты определяют возможность для индивида воспроизвести себя в форме субъекта.

Механизмы реализации этих лингвистических средств могут быть по-разному обозначены и по-разному проинтерпретированы: начиная с идеологических аппаратов и интерпелляции, заканчивая языковыми играми и перформативами. Общим основанием этих механизмов является тот факт, что субъектность не может быть определена до акта своей реализации, не может быть обозначена как нечто априорное и устойчивое в комплексе врожденных психических характеристик индивида, а фиксируется только тогда, когда осознана и удержана в языке. Субъект как бы находится в ситуации «всегда может быть», т.е. может стать актуальным, а может и нет. Ситуация конструирования субъекта, атрибутом которого является свобода, сама по себе несвободна, репрессивна, т.е. принимается и усваивается безотлагательно и безусловно. Процесс интернализации, процесс формирования субъектности – это процесс личностной перекомпоновки и постоянной самоидентификации. Ситуация, в которой человек находится, – эта ситуация бесконечной повседневности, социальной практики и проверки на актуальность.

Очевидно, что разум и сознание для человека постмодерна перестают

быть фундаментом и гарантом его субъектности, уступая место различным социальным практикам и институтам. Не вызывает удивления в связи с этим появление специфических антропологических настроений и идей, которые проектируют антиутопические модели общества и создают образ иррационального и истерического человека [6, с. 13].

Если приводить примеры интернализационных социальных практик, то, прежде всего, стоит отметить делезовские машины желания и возникающий, в связи с этим, субъект потребления. Человек, как реальный исторический субъект, теряет свою экзистенциальную и социальную ответственность за производство своей самости и индивидуальности, становится потребителем готовых вещей, идей, стратегий, механизмов.

Очень гармонично в концепцию интернализации встраивается виртуальный субъект и субъект социальных сетей, когда в погоне за оригинальными снимками люди могут совершать необъяснимые с точки зрения здравого смысла поступки или вовсе погибнуть [7].

Мы уверены, что влияние интернализационных процессов на деятельность и активность современного человека куда более серьезно, чем может показаться на первый взгляд, требует большего внимания и изучения, особенно в контексте использования результатов таких исследований в социальном проектировании, т.е. в разработке и создании институтов и практик, актуализирующих ту или иную, необходимую обществу, субъектность.

Библиографический список

1. Бархаев Б. П. Педагогическая психология / Б. П. Бархаев. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 448 с.
2. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / Дж. Батлер ; пер. З. Баблюяна. – Харьков : ХЦГИ ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. – 168 с.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии : пер. с англ. / С. Жижек. – Москва : Художеств. журн., 1999. – 240 с.
4. Жижек С. Чума фантазий : пер. с англ. / С. Жижек. – Харьков : Гуманитар. Центр, 2014. – 388 с.
5. Лакан Ж. Семинары : в 2 кн. Кн. 2. 'Я' в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55) / Ж. Лакан ; пер. с фр. А. Черноглазова. – Москва : Гнозис, Логос, 1999. – 520 с.
6. Огурцов А. П. Постмодернистский образ человека и педагогика / А. П. Огурцов // Человек. – 2001. – № 3/4. – С. 5–17.
7. Пархоменко О. Сами себя. Почему молодежь умирает от селфи [Электронный ресурс] / О. Пархоменко. – Режим доступа: <http://>

korrespondent.net/lifestyle/3569909-samy-sebia-pochemu-molodezh-umyraet-ot-selfy.

8. Попова Е. Интериоризация в контексте проблемы социальной детерминации [Электронный ресурс] / Е. Попова, Т. Пушкарёва // Современные проблемы науки и образования. – 2012 – № 1. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5626>.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет : пер. с фр. / М. Фуко. – Москва : Кастель, 1996. – 448 с.
10. Furth H. G. Piaget's theory of knowledge: the nature of representation and interiorization / H. G. Furth // Psychological Review. – 1968. – Vol. 75, № 2. – P. 143–154.